

**О ДУАЛИСТИЧЕСКОМ ПРИНЦИПЕ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА  
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ТЕЛЕТРАНСЛЯЦИЙ  
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЙ)**

**А.Ю. Калинин**

*PhD, старший преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения*  
*e-mail: [a\\_kalinine@mail.ru](mailto:a_kalinine@mail.ru)*

**М.В. Михайловская**

*Старший преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения*  
*e-mail: [m\\_mikhaylovskaya@mail.ru](mailto:m_mikhaylovskaya@mail.ru)*

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

*Статья посвящена проблемам теории и практики межъязыкового, в частности синхронного перевода. Вопросы моделирования переводческого процесса рассматриваются в русле интерпретационной теории Д. Селескович и М. Ледерер и сквозь призму отечественных подходов к спецификации операциональных категорий перевода. На основе критического анализа концепций межъязыкового соответствия и переводческой эквивалентности, а также примеров из практики синхронного перевода политических пресс-конференций сформулирован дуалистический принцип объективности существования альтернативных способов перевода.*

**Ключевые слова:** *межъязыковое соответствие; эквивалент в переводе; транскодирующий способ перевода; интерпретационный способ перевода; синхронный перевод; перевод в аудиовизуальных СМИ.*

Хотя переводоведение как научное направление существует уже как минимум 50 лет (сам термин был предложен Дж. Холмсом в 1972 г., однако началом систематического изучения проблем перевода принято считать 50-е гг. XX в.), приходится признать, что эта область знаний все еще переживает этап своего становления. На это, в частности, указывает отсутствие устоявшегося метаязыка предметного знания и высокая вариативность терминов, которые исследователи используют в своих работах. На наш взгляд, многообразие категориальных понятий переводоведения может быть сведено к двум типам категорий: оценочным (*адекватность, эквивалентность, точность, репрезентативность, полноценность, нормативность* и т.п.) и операциональным (*способы, методы, процедуры, трансформации, преобразования, приемы, операции, техники, программы*, а с недавних пор и, во многом, под влиянием англоязычного переводоведческого дискурса – еще и *стратегии* и *тактики*). Оценочные категории призваны подтвердить/опровергнуть право той или иной деятельности и того или иного вторичного текста считаться переводом в определенном языковом коллективе и в определенную эпоху, а также степень его приемлемости в конкретной

коммуникативной ситуации. Операциональные – служат целям моделирования процесса перевода и разработки методологии переводческой деятельности.

Однако далеко не все категориальные концепции оказываются релевантными применительно к практическим задачам переводческой деятельности и дидактики перевода. Например, пятиуровневая модель эквивалентности, разработанная В.Н. Комиссаровым, имеет несомненное теоретическое значение, однако она обладает низким эвалюативным потенциалом, поскольку очевидно, что в реальной переводческой практике установление облигаторных соответствий между исходным текстом (далее – ИТ) и переводным текстом (далее – ПТ) на любых уровнях, кроме «уровней цели коммуникации и описания ситуации» [Комиссаров 1990], нечасто входит в задачу перевода. В то же время широкая известность подобных теоретических конструктов приводит к тому, что эквивалентность как категорию перевода часто ассоциируют с параллелизмом лексических и синтаксических элементов оригинального и переводного высказываний, т.е. соизмеримостью текстов на уровне поверхностной структуры. Причиной такой трактовки является своеобразная интерференция лингвистического подхода к объекту перевода с собственно переводческим. Наиболее обстоятельно на эту тему высказывались французские переводчики и переводоведы Д. Селескович и М. Ледерер, которые в 1960-1980-е гг. разработали интерпретационную (интерпретативную) теорию перевода, известную также под альтернативным названием «теория смысла». Первоначально концепция Д. Селескович отталкивалась от опыта ее работы конференц-переводчиком в международных организациях и на крупных многоязычных мероприятиях. Постепенно интроспективные выводы дополнялись результатами корпусных исследований в сфере устного и письменного (в том числе литературного) перевода и данными смежных областей знания, прежде всего, психологии и психолингвистики. В результате был постулирован единый «метод» (*méthode*) перевода – *интерпретационный*. В его рамках Д. Селескович разводит две стратегии (*stratégies*) перевода [Séleskovitch 1975], которые неравноценны по трудоемкости и степени эвристичности: *транскодирование*, или подбор соответствия (*transcodage, traduction par correspondance*), и *интерпретацию*, или создание эквивалента (*interprétation, traduction par équivalence*) [Séleskovitch, Lederer 1984]. Суть транскодирования – в извлечении из долгосрочной памяти, в ситуации устного перевода или из словарей и других доступных источников в случае письменного перевода, инвариантного соответствия языковой единицы (слова или словосочетания) ИТ и его подстановке в ПТ. На этом этапе рассуждений Д. Селескович и М. Ледерер солидарны с лингвистическими теориями перевода, например, *теорией закономерных соответствий* Я.И. Рецкера [Рецкер 1950]. По сути, транскодирование –

перевод «от слова к слову», который иногда еще называют «буквальным», «словарным» или «знаковым». Примером регулярных межъязыковых соответствий могут служить числительные, имена собственные, термины (в пределах конкретной предметной области), а также номинации понятий, которые Ж. Мунен называл «межъязыковыми универсалиями»: *день – ночь, вода – земля, тепло – холод* и т.п. [Mounin 1963]. К приемам же транскодирования относятся, например, такие операции, как транскрипция, транслитерация и все виды калькирования.

Однако количество единиц устного или письменного ИТ, имеющих инвариантные соответствия в переводящем языке (далее – ПЯ), которые можно воспроизвести в ПТ без ущерба для смысла, а также с соблюдением норм и узуса ПЯ, как правило, невелико. Большую часть содержательной информации в тексте приходится передавать не напрямую, а через стадии *девербализации – ревербализации*, т.е. с опорой не на языковые значения структурных элементов высказывания, а на его глобальный смысл. Смысл целого текста или его фрагмента, в отличие от значения, не привязан к языковым знакам, отсюда возникает проблема определения единицы перевода, для которой создается эквивалент в ПТ. Подобно тому, как любой текст «...есть нечто большее, чем линейная последовательность фраз; он представляет собой структурированную целостность, которая всегда может быть образована несколькими различными способами» [Рикер 1995: 8], ПТ также не распадается на совокупность отдельных лексических и фразеологических компонентов, которые непременно должны находиться в отношениях соответствия со знаками ИТ. Таким образом, в нашем понимании в переводе неэквиваленты являются разновидностью межъязыковых соответствий [Рецкер 1950], а соответствия представляют собой частный случай эквивалентности. Принципиально важно, что переводческая эквивалентность, в отличие от межъязыкового соответствия, устанавливается только на уровне смысловых единиц текстов [Séleskovitch, Lederer 1984]. Теоретически они виртуальны, в реальной же ситуации перевода смысловую сегментацию ИТ осуществляет переводчик с учетом целого ряда экстралингвистических факторов. Такую «стратегию» перевода М. Ледерер называет *созданием эквивалента* или собственно переводом [Lederer 1994], а поскольку создание эквивалента само по себе предполагает интерпретацию смысла исходного высказывания средствами ПЯ, этот путь перевода может быть назван *интерпретацией*.

Хотя изложенное представление о сути перевода стало известно во всем мире как учение т.н. «Парижской школы», нельзя не отметить, что примерно за 10 лет до Д. Селескович и М. Ледерер советские ученые И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг предложили свою модель перевода, которая получила название *ситуативно-денотативной*. В рамках ситуативно-денотативной модели выделяются два возможных «процесса»:

*интерпретация*, т.е. описание средствами ПЯ реальной или гипотетической ситуации, отраженной в оригинальном сообщении знаками ИЯ, и «*собственно перевод*» – переход от одной системы языка к другой по заранее установленной схеме соответствий, минуя обращение к внеязыковой действительности [Ревзин, Розенцвейг 1964]. Сопоставляя две терминологические системы, мы констатируем, что для Д. Селескович и М. Ледерер *собственно перевод* – это интерпретация, а для И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга такой статус имеет транскодирование.

Операциональный дуализм процесса перевода отражен и в работах Л.С. Бархударова и Р.К. Миньяр-Белоручева. Эти авторы говорят о наличии двух *способов перевода*, актуализация которых зависит от характера семасиологических связей между единицами перевода. Л.С. Бархударов выделяет *интерлинейарный* и *трансформационный* способы [Бархударов 1975]. Для Р.К. Миньяр-Белоручева также существуют лишь два возможных способа перевода: *знаковый* (прямой трансфер от знака ИЯ к знаку ПЯ) и *смысловой* (переход между языковыми знаками через обращение к денотату или описываемой ситуации) [Миньяр-Белоручев 1980: 100]. В категориальном отношении концепция Р.К. Миньяр-Белоручева кажется нам наиболее последовательной, с учетом того, что под способом перевода понимается «... основное правило достижения поставленной цели...» [там же: 100], «...психологическая операция [скорее глобальная стратегия. – А.К., М.М.], реализующая действие при переходе от одного языка к другому» [там же: 103]. Однако наименования способов перевода, а также попытка охарактеризовать «смысловой» способ как, хоть и более сложную, но все же полуавтоматическую операцию, заставляют нас предложить собственную концептуально-терминологическую парадигму описания процесса перевода.

Говоря далее преимущественно о синхронном переводе, мы постулируем *дуалистический принцип* его процесса, в котором реализуются *транскодирующий* и *интерпретационный* способы перевода. При этом стоит особо подчеркнуть, что способы перевода – не волюнтаристские стратегии, не результат произвольного выбора «манеры» или «стиля» переводческой деятельности, обусловленных «...индивидуальными предпочтениями и переводческим опытом...», [Флеров 2013: 191], а объективные и альтернативные алгоритмы, которые сосуществуют в процессе перевода и органично дополняют друг друга на разных его этапах. Альтернативный выбор между транскодирующим и интерпретационным способами детерминируется лингвистическими характеристиками ИТ (наличием в нем знаков инвариантной семантики), спецификой коммуникативной ситуации перевода и когнитивным репертуаром переводчика. Важно также отметить, что транскодирующий

способ перевода в высокой степени формализован и поэтому может быть применен автоматическим переводящим устройством, тогда как интерпретационный способ представляет собой эвристическую деятельность и требует участия человека.

Здесь уместно напомнить, что первоначально теория смысла разрабатывалась как объяснение процессов последовательного конференц-перевода, где переводчик имеет дело с целым текстом (или его относительно завершенным отрывком) и в момент, когда оратор заканчивает говорить, в состоянии сегментировать в своем сознании и в своих записях текст выступления на такие фрагменты, для которых он способен создать эквиваленты в своем переводе. Интерпретация в последовательном переводе воспринимается как естественное явление оттого, что возможности транскодирования здесь ограничены. Поскольку переводчик все равно не сможет удержать в памяти все лексико- синтаксические компоненты ИТ, он запоминает и фиксирует в записи образы-смыслы, и лишь отдельные слова, номинирующие термины, имена, числа и т.п. (т.е. то, что в отечественной традиции принято называть «прецизионной информацией») подлежат фиксации в памяти и записи.

Синхронный перевод (далее – СП), в ходе которого исполнителю приходится совмещать задачи одновременного восприятия речи, переводческих операций и говорения, в этом смысле обладает рядом принципиальных ограничений, которые отличают его от всех других видов как письменного, так и устного перевода. Эти ограничения бесспорно оказывают влияние на удельный вес и дистрибуцию альтернативных способов перевода. Перечислим их, дополнив краткими комментариями касательно возможных путей компенсации. 1. Временные ограничения, т.е. необходимость переводить параллельно разворачиванию речи оратора и в том темпе, который «навязан» последним. Эти ограничения могут быть компенсированы за счет активного использования приемов («стратегий») компрессии [Илюхин 2001] и антиципации, основанной на феномене вероятностного прогнозирования [Чернов 1978], но возможности, которые обеспечивает такое прогнозирование, зависят от степени избыточности исходного сообщения. Особенно часто такие возможности ограничены в начале выступления и при резкой смене темы (что, например, случается при переводе вопросно-ответных кластеров в ходе пресс-конференций). 2. Ограниченный объем оперативной памяти переводчика, который нужно распределять на три вида когнитивной деятельности. 3. Линейность и фрагментарность поступающей исходной информации: перевод должен начинаться уже тогда, когда еще не ясно, что именно будет говорить оратор, какова будет его аргументация и к какому заключению он придет. В таких условиях исполнитель подчас не успевает получить до начала перевода достаточное количество информации, которая бы позволила

адекватно интерпретировать смысл, заложенный в ИТ. Это ограничение отчасти компенсируется дополнительным ожиданием [Илюхин 2001], однако, при высоком темпе речи выступающего такая тактика может сыграть с переводчиком злую шутку в случае, если отставание от оратора становится критичным. 4. Дефицит предметно-тематических (и, возможно, терминологических) знаний. Хотя это ограничение в какой-то степени компенсируется тщательной подготовкой к выполнению перевода, оно вряд ли может быть нейтрализовано полностью: тематическая компетентность переводчика в вопросах, которым посвящено большинство переводимых выступлений, *a priori* ниже, чем у оратора.

Наличие указанных ингибирующих факторов способно породить как у начинающих переводчиков, так и у некоторых признанных специалистов в области переводоведения мысль о том, что основным способом СП следует признать транскодирующий (например, Р.К. Миньяр-Белоручев полагает, что «знаковый» способ доминирует в СП [Миньяр-Белоручев 1980: 101–102]). На основе своего переводческого опыта и опыта наших авторитетных коллег мы действительно рекомендуем студентам, обучающимся СП, активно применять транскодирующий способ в начале как всего выступления, так и каждой новой темы. Вообще все элементы ИТ, которые подлежат транскодированию, следует обрабатывать, как только они были услышаны, т.к. их фиксация в памяти проблематична. К транскодирующему способу синхронист вынужден прибегать и тогда, когда понимание им отдельных высказываний носит поверхностный характер. В этом случае альтернативы транскодированию в ситуации СП не существует.

Вместе с тем, этот путь вряд ли может быть использован на протяжении длительного времени, как минимум, по трем причинам. Во-первых, способ перевода «от слова к слову» требует понимания и хранения в оперативной памяти каждого значимого слова ИТ, что редко удается даже самым опытным переводчикам, тем более в тех случаях, когда оратор говорит или зачитывает текст выступления в высоком темпе. Во-вторых, такой перевод по времени звучания будет как минимум равен длительности ИТ, а, скорее всего, превосходить его. Эта тенденция может лишь усугубляться при работе в определенных языковых парах, например, при переводе с английского и французского языков, где слова обычно короче в терминах слогов, на русский или немецкий, где слова, как правило, длиннее. Но ввиду того, что оратор не будет «ждать» переводчика, а продолжит говорить, отсутствие компрессии может спровоцировать опущения значимых в смысловом отношении элементов. В-третьих, «магия» языковой формы слов ИЯ, если не абстрагироваться от нее, оказывает на переводчика интерферирующее воздействие так, что в его речи неизбежно появляются лексические и синтаксические кальки, недопустимые с точки зрения нормы ПЯ и/или малопонятные его

носителям. Смысл сообщения будет «теряться в словах», то есть не будет адекватно передан, что лишит СП главной его функции – коммуникативной. Кроме того, даже если получателям перевода удастся догадаться о направлении мыслей оратора, они вряд ли смогут долгое время «продираться» сквозь путанную речь переводчика, неестественно звучащие или диффузные в семантическом плане конструкции. Неслучайно М. Ледерер отмечает по этому поводу: «Самая грубая методологическая ошибка в синхронном переводе – полностью отказаться от интерпретации, заменив ее транскодированием. Если эта тенденция становится ведущей, это означает, что... [переводчик] не контролирует смысл слов, которые он произносит, ... поскольку любой перевод, который осуществляется без опоры на общий смысл, в конце концов оказывается непонятным» [Séleskovitch, Lederer 1984: 219].

Проиллюстрируем, как *дуалистический принцип* реализуется на практике, примером из транскрипта СП на английский язык ответов Президента РФ В.В. Путина на вопросы участников пресс-конференции по итогам саммита Большой двадцатки в японской Осаке 29.06.2019 г. (здесь и далее в примерах фразовая сегментация и пунктуация условны).

Фрагмент ответа В.В. Путина

...Но это очевидно, что уровень торгового оборота в двадцать пять миллиардов долларов не отвечает нашим интересам и не соответствует нашим возможностям...

Фрагмент СП

на английский язык

...But that's simply on the surface that current trade of twenty five billion dollars is way below what we would like to have and way below what we actually can have...

Числительное *двадцать пять*, существительные, обозначающие количество *миллиард*, и название национальной валюты США *доллар* переданы исходя из транскодирующего принципа, путем подстановки русско-английских межъязыковых соответствий. Тот же принцип позволяет передать противительный союз *но* соответствующим ему в функциональном плане *but*. Семантика этих языковых единиц тождественна их смыслу в высказывании, т.е. они сохраняют в тексте свою семантическую автономность, а значит не могут быть переведены описательно без нарушения стилистической конгруэнтности текста. Конструкции «*это очевидно*», «*не отвечает нашим интересам*» и «*не соответствует возможностям*» переведены, исходя из смысловых инвариантов, а не из семантики составляющих их лексических компонентов: *it does not correspond to our potential = we can do much more = it is far less than what is possible = it is way below what we can have*. Выбор варианта перевода подчинен интерпретационному принципу,

т.е. девербализации смыслов с последующим их перевыражением на ПЯ. При этом вариант последнего продиктован соображениями искомой идиоматичности данных отрезков ПТ, т.е. прогнозируемой естественности их восприятия реципиентами в потоке речи. Особый случай представляет перевод конструкции «*это очевидно, что...*». Несомненно, что английский язык вполне допускает ее передачу методом транскодирования (*it's obvious that...*), однако использованный в переводе вариант не только не нарушает переводческой эквивалентности высказывания в целом, но и способствует достижению адекватности перевода, т.к. является результатом интерпретации переводчиком мысли о том, что последующий вывод напрашивается сам собой («лежит на поверхности»), и, тем самым, наглядно демонстрирует интерпретационные возможности СП.

Интерпретация как принцип СП проявляется в целом ряде стратегических или подсознательных решений переводчика, которые теоретически должны быть нацелены на достижение адекватности перевода, однако их функциональный статус не определен. Интересны в этом отношении примеры из практики СП в аудиовизуальных СМИ, поскольку в отличие от конференц-перевода, реципиентами которого, как правило, являются люди, объединенные одной сферой деятельности, СП на телевидении должен быть ориентирован на самую широкую зрительскую аудиторию. Приведем несколько примеров переводческих приемов, с помощью которых в переводе телетрансляций политических пресс-конференций реализуется интерпретационный принцип (материал взят из видеозаписей СП с русского языка на английский нескольких пресс-конференций с участием Президента РФ В.В. Путина, проходивших в 2017-2019 гг.).

#### Парафраз

*Она [Т. Мэй] высказала свою позицию в достаточно жесткой форме, да это правда, так и есть. Я сообщил ей позицию Российской Федерации по ряду проблем, которые являются раздражителями в наших отношениях.*

*It was her position she expressed quite clearly and in a very tough manner. I informed her on Russia's position on a number of issues which are currently a problem which impedes our relations from becoming better.*

Парафраз с нейтрализацией исходной метафорической основы может быть связан с тем, что транскодирование привело бы к возникновению в переводе деформации смысла (английские соответствия *irritant* или *stimulus* не употребляются в переносном значении).

### Альтернативная номинация

... а нужна или не нужна [встреча с Т. Мэй], мне кажется, что нужна, ну что же, что она уходит, она сегодня действующий глава правительства.

... as for whether we needed that meeting, I think we needed that meeting, yes, she is leaving, that's true, but she's still the Prime Minister of the UK.

Переводчик, очевидно, выбирает наиболее частотный и естественный для реципиентов перевода способ номинации должности Т. Мэй. Так, по данным Британского корпуса парламентского английского языка [<https://www.hansard-corpus.org>], число употреблений *Prime Minister* в тысячу раз превосходит случаи использования его функционального аналога *the head of government* (350417 против 352 словоупотреблений).

### Конкретизация и добавление

... американцы нам сказали, что они тоже хотят вносить свой вклад в решение экологических проблем, что мне кажется, это тоже можно отнести к позитивным моментам.

...I think, I think it's good that Americans said that they are ready to contribute to fighting climate change so this is another step forward **as I said before**.

Из предконтекста данного фрагмента следует, что США, которые в свое время отказались от подписания Парижского климатического соглашения, выразили, тем не менее, готовность, частично пересмотреть свои позиции, таким образом, конкретизация *экологические проблемы* – *climate change* вполне органична. Добавление *as I said before*, по всей вероятности, выполняет когезионную функцию, т.к. отсылает к ранее прозвучавшей информации и служит средством когерентности переводного высказывания.

### Компрессия (опущение избыточной информации)

Хотел бы также отметить, что после завершения окончательного разгрома террористов на юго-западе Сирии, в так называемой южной зоне, ситуация на Голанских высотах должна быть приведена в полное соответствие с соглашением 1974 года о разъединении израильских и сирийских войск. Это позволит вернуть спокойствие на Голаны, восстановить режим прекращения огня между Сирийской Арабской Республикой и Израилем, надежно обеспечить безопасность государства Израиль.

After terrorists were destroyed in the southern zone, the situation with Golan Heights should be restored in line with 1974 Treaty. It would help to ease tension in Golan Heights and ease tension between Syria and Israel and provide security for the state of Israel.

Как известно, основной потенциал компрессии в СП – языковая и речевая избыточность исходного высказывания. В первом случае налицо упрощение тавтологичной конструкции ИТ *завершение окончательного разгрома*. Во втором случае переводчиком изначально использовано наименование географической зоны Сирии, в той форме, которая принята в англоязычном медиадискурсе, по этой же схеме официальное название страны (*Сирийская Арабская Республика*) заменено на привычное для телезрителей *Syria*. И наконец, суть соглашения 1974 г. уже изложена оратором (и переведена) в предыдущей части высказывания, что позволяет отказаться от повторного воспроизведения словосочетания *разъединение израильских и сирийских войск*.

#### Экспликация

*... у нас есть закон, за который нас все шпыняют, это закон о запрете пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних*

*...we have the law which we've been blamed for, the law which prohibits propaganda of homosexuality among the minors, **those who are below 18 years of age.***

Добавление здесь может носить экспликативно-компенсаторный характер. Первоначально, справедливо исходя из транскодирующего принципа, переводчик использовал терминологическое соответствие *minor*. Однако сфера употребления этого слова в английском языке, где оно характеризуется как юридический термин [Cambridge Dictionary [http](http://)], значительно уже, чем у русского *несовершеннолетний*. Синхронист мог посчитать необходимым пояснить зрителям, о какой группе лиц идет речь. Кроме того, экспликация позволяет избежать потенциального недоразумения, вызванного омофонией *minors – miners*.

#### Интермодальный трансфер

*Но есть детали, о которых вряд ли нужно говорить сегодня на пресс-конференции, но ситуация под контролем.*  
[ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЙ КИВОК]

*There are some details which probably should not be mentioned at this press conference, but the situation is well under control, **I can assure you***

Здесь применена специфическая тактика перевода полимодальных текстов, которая активно используется в аудиовизуальном переводе. С семиотической точки зрения, СП вообще и синхронный медиаперевод в частности имеют дело с поликодовым (на уровне порождения) и полимодальным (на уровне восприятия) произведением, которое является результатом синергетического взаимодействия зрительных и звуковых образов. Однако переводчик, как правило, не может внести изменения в

видеоряд и должен ограничиваться манипуляциями со звучащей составляющей. Отсюда, если тот или иной вербальный/невербальный смысловой компонент визуального канала (в данном случае мимико-жестикуляционный) нуждается в передаче, он может быть озвучен в переводе.

Пояснения, которыми мы сопроводили случаи реализации интерпретационного способа в СП, носят характер гипотез: на вопрос о том, являются ли они следствием осознанных стратегических решений переводчика или манифестацией подсознательных компенсаторных реакций, возникающих в экстремальной ситуации СП, нельзя ответить однозначно в рамках лингвопереводческого анализа видеозаписей. Полезную информацию о функциональном статусе интерпретирующих приемов могли бы дать исследования с привлечением метода ретроспективного самокомментирования (*think aloud recall*). Так или иначе, как мы видели, комбинаторика транскодирования и интерпретации как способов СП – оптимальный путь к достижению адекватности перевода как процесса и его эквивалентности как результата.

### ***Библиографический список***

*Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М: Международные отношения, 1975. 240 с.

*Илюхин В.М.* Стратегии в синхронном переводе: на материале англо-русской и русско-английской комбинаций перевода: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2001. 24 с.

*Комиссаров В.Н.* Теория перевода (Лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

*Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.

*Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю.* Основы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа, 1964. 244 с.

*Рецкер Я.И.* О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Вопросы теории и методики учебного перевода: сборник статей. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. С. 156–183.

*Рикер П.* Герменевтика. Этика. Политика. М.: Ками, 1995. 160 с.

*Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода. М.: Международные отношения, 1978. 208 с.

*Флеров К.В.* К вопросу о двух режимах синхронного перевода // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики. Елабуга, 2013. С. 190–193.

*Cambridge Dictionary* [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения: 01.06.2019).

*Hansard Corpus (British Parliament)* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hansard-corpus.org> (дата обращения: 01.06.2019).

*Lederer M.* La traduction aujourd'hui. Le modèle interprétatif. P.: Hachette, 1994. 224 p.

*Mounin G.* Les problèmes théoriques de la traduction. P.: Gallimard, 1963. 290 p.

*Séleskovitch D.* Langage, langues et mémoire – étude de la prise de notes en interprétation consécutive, P.: Minard Lettres Modernes, 1975. 272 p.

*Séleskovitch D., Lederer M.* Interpréter pour traduire. P.: Didier Erudition, 1984. 312 p.